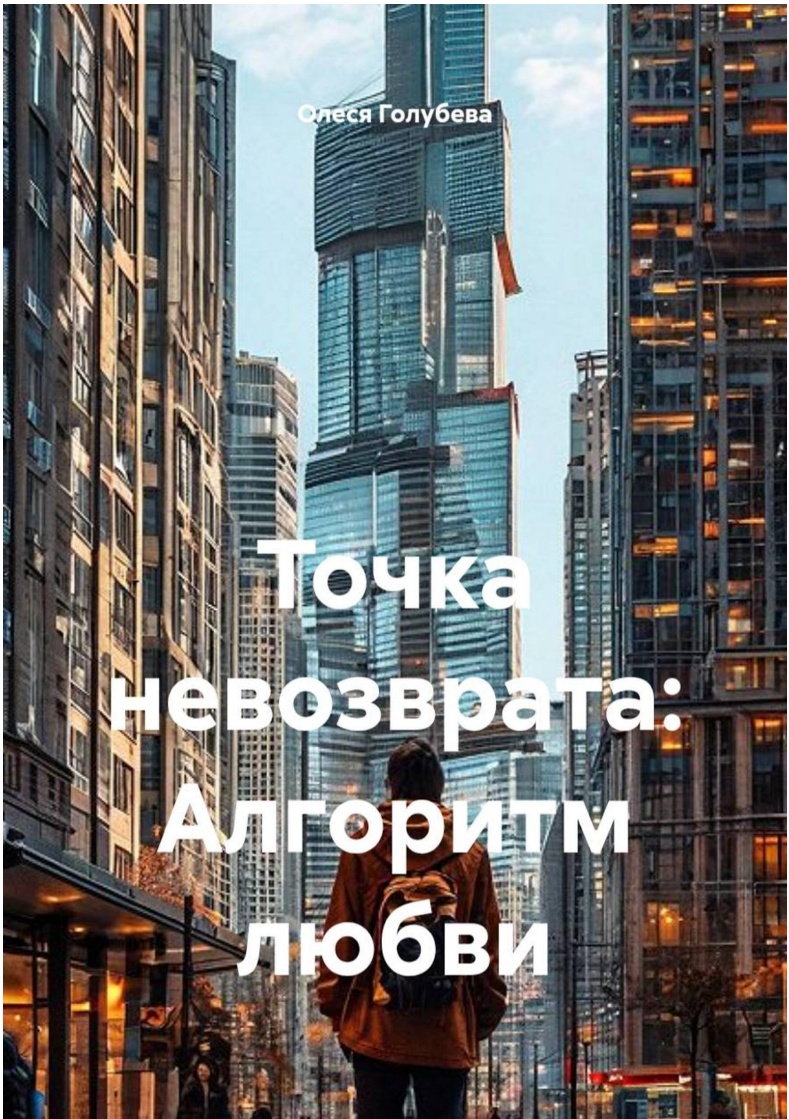
Олеся Голубева
Точка невозврата: Алгоритм любви

Олеся Голубева

Точка невозврата: Алгоритм любви

https://litres.ru/73836382
SelfPub; 2026

Аннотация

Марк — гениальный программист, живущий в мире цифр и безупречной логики. Он создал «A-Logic» — систему, способную предсказать любое действие человека. Для него жизнь — это код, в котором нет места случайностям.

Алиса — дочь строительного магната и бунтующая художница, которая верит только в интуицию и хаос чувств. Она — та самая системная ошибка, которую Марк не смог бы просчитать даже на самом мощном сервере.

Когда их миры сталкиваются в пустом небоскребе Москва-Сити, начинается глобальный блэкаут. Обвиненные в цифровом саботаже, они вынуждены бежать из сияющего мегаполиса в глухие леса Карелии. В их распоряжении — только старый внедорожник, ноутбук и десять процентов непредсказуемости, которые Марк когда-то в шутку вписал в свою программу.

Сможет ли холодный расчет победить первобытный страх? И что окажется сильнее: мощь корпоративной империи, идущей по

пятам, или связь двух людей, которые нашли друг друга в мире, где только что выключили свет?

Содержание

Глава 1. Стеклянный аквариум 8
Глава 2. Ритм неона 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Олеся Голубева
Точка невозврата: Алгоритм любви

Пролог. Холодный пуск

Москва-Сити. 03:14 ночи.

В этом городе время не течет — оно измеряется в гигабайтах переданных данных и частоте мигания индикаторов на серверных стойках. На шестьдесят втором этаже башни «Федерация» тишина была настолько абсолютной, что казалось, её можно коснуться пальцами.

Марк Левицкий сидел перед тремя мониторами, чей мертвенно-голубой свет превращал его лицо в маску из воска. Для него мир давно перестал состоять из звуков, запахов и чувств. Его Вселенная была выстроена из безупречных структур кода.

— Ну же, оживай, — прошептал он, и его голос прозвучал чужеродно в стерильном пространстве офиса.

Он нажал клавишу Enter. На экране побежали каскады цифр. Это было рождение «A-Logic» — системы, способной предсказывать человеческое поведение с точностью до 99%. Марк верил: если убрать из жизни хаос случайных эмоций, мир станет совершенным. В его уравнении не было места ошибкам. Не было места страху. И уж точно не было места

любви.

В это же самое время, всего пятью этажами ниже, в полумраке коворкинга, Алиса Соколова яростно швырнула кисть в стакан с мутной водой. На холсте перед ней застыла Москва — рваная, неоновая, злая.

— Слишком правильно, — выдохнула она, стирая ладонью пятно синей краски со щеки. — Слишком предсказуемо.

Она ненавидела этот город из стекла и стали, построенный её отцом. Она ненавидела графики, в которые её пытались вписать с детства. В её мире ценность имело только то, что нельзя было измерить: дрожь в руках перед первым мазком, запах дождя на асфальте и те самые десять процентов безумия, которые делают человека живым.

Она еще не знала, что наверху, за бронированным стеклом, человек-алгоритм только что запустил процесс, который уничтожит её привычный мир. А Марк не подозревал, что через несколько минут в его идеальную систему ворвется переменная, которую невозможно просчитать.

Снаружи, над бездонной пропастью ночной Москвы, собиралась гроза. Первая молния беззвучно распорола тучное небо, на мгновение отразившись в панорамных окнах.

Система выдала уведомление: «Warning: Unexpected interference detected» (Внимание: обнаружено непредвиденное вмешательство).

Марк нахмурился.

Алиса взяла чистый лист.

До начала конца оставалось пять минут.

Глава 1. Стеклянный аквариум

Ночная Москва с высоты шестьдесят второго этажа напоминала гигантскую материнскую плату, по которой лениво перетекали импульсы золотистых и красных огней. Здесь, в башне «Федерация», время ощущалось иначе. Оно не текло — оно конвертировалось в строки кода, в пиксели интерфейсов и в литры выпитого кофе.

Марк нажал Enter.

На левом мониторе заструился каскад логов. Зеленые символы на черном фоне — его личная матрица, в которой всё было предсказуемо и подчинено строгой иерархии. На запястье мягко вибрировали смарт-часы. 02:40. Конец сорокаминутного рабочего спринта. Согласно его личному алгоритму продуктивности, сейчас полагалось пять минут сенсорной депривации и стакан воды.

Он откинулся на спинку эргономичного кресла и закрыл глаза. В пустом коворкинге «Скайлайн» гудела система вентиляции — ровный, усыпляющий звук, который Марк предпочитал любой музыке. Тишина помогала структурировать хаос.

Марк Левицкий был человеком-функцией. В двадцать один год он точно знал, сколько калорий ему нужно для работы мозга, сколько часов сна — для поддержания когнитивных способностей, и сколько строчек кода отделяет

его от гранта в Пало-Альто. Его проект «A-Logic» должен был стать революцией в автоматизации бизнес-процессов. Чистый разум. Никакого человеческого фактора. Никаких ошибок, вызванных настроением или плохим завтраком.

Внезапно тишину разрезал звук, который никак не вписывался в стерильную атмосферу «Скайлайна».

Хлюп.

Затем — отчетливый запах химозных специй, куриного бульона и чего-то острого. Марк нахмурился. Его внутренний таймер сбился. Он открыл глаза и повернул голову в сторону кухонной зоны, отделенной от опенспейса стеклянной перегородкой.

Там, прямо на белоснежной столешнице, предназначенной для кофемашин за полмиллиона рублей, сидела девушка. На ней было безразмерное худи цвета пыльной розы, из-под которого виднелись голые щиколотки и поношенные кеды. Рядом с ней дымился пластиковый стакан с лапшой быстрого приготовления.

Марк поднялся. Его шаги по ковролину были бесшумными, но девушка даже не вздрогнула. Она была полностью поглощена своим занятием: одной рукой она виртуозно орудовала пластиковой вилкой, а другой — быстро черкала что-то в потрепанном блокноте, зажатом между коленями.

— В правилах коворкинга, пункт 4.2, четко сказано, что прием пищи разрешен только в специально отведенной зоне столовой, — произнес Марк, остановившись у прозрачной

двери. — И сидеть на рабочих поверхностях запрещено из соображений гигиены.

Девушка медленно подняла голову. У неё были огромные, чуть сонные глаза и прядь волос, испачканная чем-то синим — то ли краской, то ли чернилами. Она окинула Марка взглядом, каким обычно смотрят на выскочившее окно системной ошибки.

— А в правилах Вселенной сказано, что в три часа ночи занудство превращается в токсичный отход, — ответила она низким, чуть хриплым голосом. — Но ты же здесь, верно?

Она невозмутимо намотала лапшу на вилку.

— Меня зовут Марк. И я здесь работаю над проектом, который требует концентрации. Запах твоей... еды проникает сквозь вентиляцию. Это мешает.

— Привет, Марк-контроль-качества, — она спрыгнула со стола, и Марк заметил, что её пальцы действительно в пятнах угля. — Я Алиса. И если твой гениальный мозг отвлекается на запах «Доширака», значит, проект у тебя так себе. Настоящий драйв ничем не перешибешь. Даже глутаматом натрия.

Она кивнула на его рабочее место, где три монитора светились холодным сиянием.

— «A-Logic»? Так это ты тот самый робот Левицкий? Фаворит хакатона, который хочет заменить людей скриптами?

— Я хочу избавить людей от рутины, — сухо поправил он. — А ты, судя по скетчбуку, одна из тех дизайнеров, что ри-

суют красивые картинки, которые невозможно реализовать технически?

Алиса усмехнулась и, сделав шаг к нему, внезапно развернула блокнот. Марк ожидал увидеть интерфейс приложения, но вместо этого увидел злой и невероятно точный шарж. На рисунке человек, подозрительно похожий на Марка, был изображен в виде механического манекена, у которого вместо сердца — шестеренка, а из головы вместо мыслей вылетают нули и единицы. Под рисунком была подпись: «Оптимизация одиночества».

— Это не дизайн, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Это диагноз. Твой код идеален, Марк. Но в нем нет жизни. А значит, он умрет в первый же день, когда столкнется с настоящим человеком.

В этот момент у обоих в карманах одновременно завибрировали телефоны. Пришло общее уведомление из канала хакатона.

«Внимание всем участникам! Экстренное обновление условий финала. В связи с новыми требованиями инвесторов, обязательным модулем каждого проекта должен стать блок "Human-to-Human" — алгоритм, основанный не на логике, а на эмоциональном интеллекте и непредсказуемости человеческого выбора. Дедлайн прежний. Удачи».

В коворкинге повисла тишина. Марк смотрел в экран, чувствуя, как его идеально выстроенный мир дает трещину.

— Эмоциональный интеллект? — прошептал он. — Это

же оксюморон. Эмоции нельзя алгоритмизировать.

Алиса громко и весело рассмеялась, отставляя пустой стакан лапши.

— Кажется, твой «чистый разум» только что выдал критическую ошибку, Марк. Добро пожаловать в мир живых людей. Тут пахнет специями и всё идет не по плану.

Она подмигнула ему и пошла к своему столу, оставив в воздухе запах дешевого бульона и дорогого парфюма, который Марк почему-то почувствовал только сейчас.

Марк вернулся к своему столу, но белые строки кода на черном фоне больше не казались ему упорядоченным войском. Теперь они выглядели как забор, за которым он прятался от реальности.

«Эмоциональный интеллект».

Слова в уведомлении издевательски мигали. Для Марка это было всё равно что приказать архитектору построить небоскреб из сахарной ваты. Эмоции — это шум. Это помехи, которые возникают, когда система работает нестабильно. Как можно оцифровать предчувствие? Или то, почему человек выбирает именно эту кофейню, хотя в соседней зерно объективно лучше?

Он украдкой посмотрел в сторону Алисы. Она уже не ела. Она стояла у панорамного окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и что-то быстро рисовала прямо на запотевшем от её дыхания участке. Её движения были резкими, порывистыми.

Марк открыл чистый лист в редакторе.

class HumanEmotion:

Пальцы замерли над клавишами.

def __init__(self, mood):

— Это не сработает, — раздалось совсем рядом.

Он вздрогнул. Алиса стояла за его плечом, бесшумно подкравшись в своих кедах. От неё пахло дождем и чем-то неуловимо цветочным — странный контраст с техническим запахом озона, который обычно стоял в коворкинге.

— Ты не можешь упаковать чувства в классы и методы, Марк. Это как пытаться поймать туман рыболовной сетью.

— У всего есть паттерн, — упрямо отозвался он, не оборачиваясь. — Радость — это всплеск дофамина и серотонина. Страх — кортизол. Если собрать достаточно данных о поведении пользователя, можно предсказать его эмоциональный отклик с точностью до девяноста процентов.

— А остальные десять? — Алиса наклонилась ниже, так что её волосы почти коснулись его плеча. — Эти десять процентов и есть жизнь. Это тот момент, когда ты покупаешь билет на поезд в никуда просто потому, что небо сегодня слишком синее. Или когда ты влюбляешься в того, кто тебе категорически не подходит.

Марк наконец повернулся к ней. В неоновом свете мониторов её лицо казалось бледным, а глаза — почти черными.

— Влюбленность — это просто биохимическая ошибка, направленная на продолжение вида, — отчеканил он, хотя

внутри что-то предательски дрогнуло.

— Ого, — Алиса искренне восхитилась. — Ты еще безнадежнее, чем я думала. Знаешь, мой отец говорит точно так же. Он называет людей «ресурсом», а чувства — «издержками производства». Наверное, поэтому у него три брака и ни одного человека, который бы просто хотел выпить с ним чаю, не заглядывая в его кошелек.

Марк почувствовал укол чего-то похожего на вину, хотя он даже не знал её отца.

— Твой отец… Игорь Соколов? — догадался он. Логотип «Sokolov Group» красовался на каждом втором баннере в Сити.

Алиса поморщилась, будто от зубной боли.

— Для мира — да. Для меня — человек, который оплатил этот коворкинг, чтобы я «поиграла в стартап» под его присмотром. Но я здесь не ради его денег. Я здесь, чтобы доказать, что его мир — холодный, расчетливый и пустой — проигрывает живому хаосу.

Она резко выпрямилась.

— Слушай, «Робот». Инвесторам нужен эмоциональный блок. Моему приложению «Soul-Map» не хватает твоих серверных мощностей и чистоты кода. Твоему «A-Logic» не хватает души. Мы оба вылетим, если будем упираться.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты предлагаешь… коллаборацию? — слово далось ему с трудом.

— Я предлагаю временное перемирие, — Алиса протянула ему руку. Пальцы всё еще были в синей краске. — Ты даешь мне свою архитектуру, я даю тебе свои алгоритмы человечности. Мы выигрываем этот грант, едем в Долину, а там — каждый сам за себя. Идет?

Марк посмотрел на её ладонь. В его мире партнерство строилось на юридических договорах, NDA и проверке репутации. Здесь же была только синяя краска и вызов в глазах девушки, которая только что назвала его жизнь диагнозом.

Таймер на его часах пропищал: время для принятия решения истекло.

Марк протянул руку и сжал её тонкие пальцы. Они были удивительно теплыми.

— Идет. Но если ты зальешь мой код своими «абстракциями», я разорву сделку.

— Договорились, — улыбнулась Алиса. — А теперь собирайся.

— Куда? Сейчас три часа ночи. Дедлайн через тридцать шесть часов.

— Нам нужно найти те десять процентов, Марк. Те, что не про дофамин. Мы идем гулять. Настоящий эмоциональный интеллект не рождается в аквариуме из стекла и бетона.

Он хотел возразить, сказать, что у него расписан график сна, что ночная прогулка неэффективна... Но Алиса уже подхватила свой блокнот и направилась к лифтам, насвистывая какой-то мотив, который Марк никак не мог опознать.

Он медленно закрыл ноутбук. Впервые за три года он нарушил свой алгоритм.

Глава 2. Ритм неона

Стеклянный лифт плавно скользнул вниз, оставляя позади стерильный уют шестьдесят второго этажа. Марк чувствовал странное давление в груди — не то легкую тошноту от перепада высоты, не то запоздалое осознание того, что он совершает самую нерациональную ошибку в своей жизни.

Алиса стояла рядом, прислонившись плечом к зеркальной стене. Она не смотрела на цифры, бегущие на табло. Она разглядывала свои руки, испачканные синим грифелем, и едва заметно улыбалась своим мыслям.

— Знаешь, — нарушила она тишину, когда лифт прошел отметку тридцатого этажа, — у моего отца есть теория. Он говорит, что люди в этом здании делятся на два типа: те, кто смотрит из окна на город и чувствует себя хозяином, и те, кто смотрит в окно и понимает, что он — всего лишь планктон в огромном аквариуме. Ты к каким себя относишь?

Марк поправил лямку рюкзака, в котором лежал ноутбук — его единственная опора в этом зыбком мире.

— Я смотрю на город как на массив данных, Алиса. Потоки трафика, потребление энергии, плотность населения. Я не хозяин и не планктон. Я — наблюдатель, который ищет способ заставить эту систему работать эффективнее.

— Скучно, — выдохнула она, когда двери лифта с тихим шипением разъехались в огромном пустом лобби. — Эф-

фективность — это слово, которым люди убивают всё живое. Пошли, наблюдатель. Покажу тебе кое-что, что не вписывается в твою статистику.

Они вышли на улицу. Ночной воздух Сити был холодным и пронзительным, он пах металлом и влажным бетоном. Огромные башни вокруг казались холодными обелисками, подпирающими низкое, мутное небо Москвы.

— Мы идем пешком, — заявила Алиса, сворачивая в сторону набережной.

— Это нелогично, — Марк автоматически взглянул на часы. — Такси до центра доедет за двенадцать минут. Пешком мы потратим около часа. Это потеря времени.

— Ошибка, Марк. Время в такси — это пустота. Время пешком — это жизнь. Тебе нужно научиться чувствовать ритм города ногами, а не через датчики GPS.

Они шли вдоль реки. Город вокруг них замирал, но не засыпал совсем. Где-то вдалеке гудели машины, под мостом проплыл буксир, оставляя на воде маслянистые разводы, в которых дробились огни фонарей.

— Твое приложение, — Марк решил перевести разговор в безопасное для него русло. — «Soul-Map». Как оно должно работать? Ты правда веришь, что можно составить карту маршрутов, основываясь на «душевном состоянии»?

Алиса остановилась у парапета и посмотрела на темную воду.

— Представь, что тебе плохо. Не «у меня упал KPI на

пять процентов» плохо, а по-настоящему. Когда внутри дыра. Твой навигатор поведет тебя самым коротким путем мимо шумных строек и пыльных шоссе. А «Soul-Map» поймет, что тебе сейчас нужно увидеть, как свет падает на старую кирпичную кладку в переулках на Солянке. Или где в три часа ночи варят самый честный какао, от которого пахнет детством. Это карта не мест, а состояний.

— Но это субъективно, — возразил Марк. — Одному нравится кирпичная кладка, другому — хай-тек.

— Именно! Поэтому мне и нужен твой алгоритм. Чтобы система «училась» у пользователя. Но ядро должно быть человеческим. Ты должен понимать, почему люди грустят, Марк.

Они свернули с широкой набережной в один из старых переулков, ведущих в сторону Арбата. Здесь город резко изменился. Вместо стекла и стали появились приземистые особняки, тенистые деревья и неровный асфальт.

— Смотри, — Алиса указала на маленькое окно на втором этаже старого дома. Там горела одинокая настольная лампа под зеленым абажуром. — О чем думает человек в этом окне?

— Вероятно, готовится к экзаменам или работает над отчетом, — предположил Марк.

— А может, он пишет письмо женщине, которую не видел двадцать лет? Или не может уснуть, потому что боится завтрашнего дня? Ты видишь свет в окне как расход электро-

энергии в 60 ватт. А я вижу там историю. И пока твой код не научится видеть историю, он будет просто набором команд.

Марк молчал. Он смотрел на это зеленое пятно света, и в голове почему-то всплыл образ его собственной матери. Она тоже часто сидела под такой лампой, когда он был маленьким, и пересчитывала копейки в старом кошельке, пытаясь понять, хватит ли им на новые ботинки для него. Он никогда не думал об этом как об «истории». Это была задача по оптимизации бюджета. Но сейчас, в этом переулке, рядом с Алисой, воспоминание отозвалось странным покалыванием в пальцах.

— Почему ты это делаешь? — спросил он тихо. — Зачем тебе эта битва с отцом? Ты же могла просто жить в свое удовольствие.

Алиса резко обернулась. В желтом свете уличного фонаря её лицо показалось Марку удивительно хрупким.

— Потому что я не хочу быть «проектом». Я не хочу, чтобы моя жизнь была расписана в его ежедневнике между совещанием и партией в гольф. Я хочу ошибаться сама, понимаешь? Хочу провалиться, если это будет мой провал, а не его сценарий.

Она вдруг шагнула к стене дома, где из-под облупившейся штукатурки проглядывала старая кладка, и быстро, почти яростно, провела по ней пальцами.

— Твой код слишком чистый, Марк. В нем нет трещин. А именно через трещины, как говорил один поэт, и проникает

свет.

В этот момент тишину переулка нарушил резкий звук — визг тормозов на соседней улице и какой-то странный, приглушенный хлопок. Марк инстинктивно шагнул вперед, заслоняя Алису плечом. Его внутренний датчик опасности, который он считал чисто логическим, сработал быстрее, чем он успел это осознать.

— Что это было? — прошептала Алиса, и Марк почувствовал, как её рука вцепилась в рукав его куртки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.